

№ 85 (94) март 2018

Издаётся с января 2006 года

Свидетельство о государственной
регистрации: ПИ № ТУ36-00332
от 24.12.2012

ВЕСТНИК АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО)

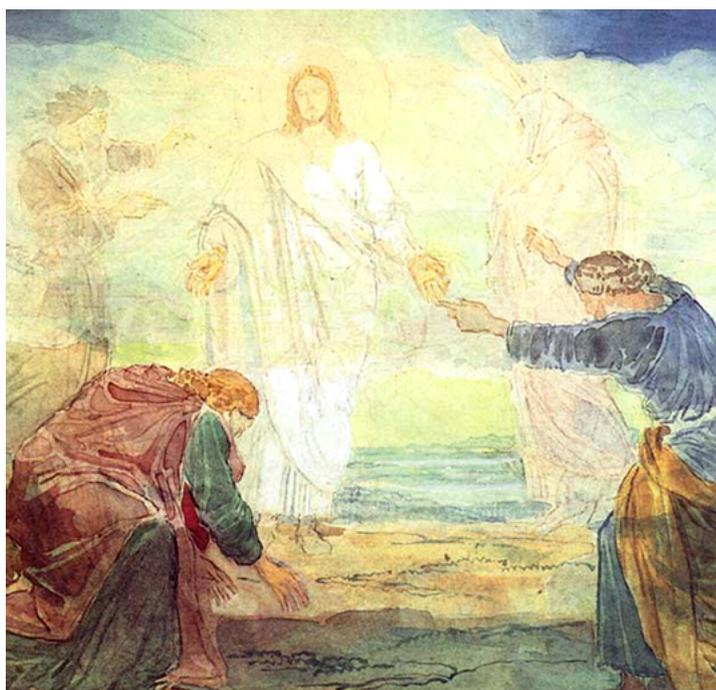
ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО СЕРГИЯ МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИСКИНСКОГО
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ. ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ИЗДАНИЯ ДОСТУПНА ПО АДРЕСУ: www.snt-antoniuss.ru

ИДИ ТУДА, ГДЕ СВЕТ И ПРАВДА

Первыми словами проповеди Спасителя были слова, призывающие к покаянию: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие» [Мф. 4, 17]...

Спустя две тысячи лет Царствие Божие в мире не наступило. Но ведь Христос многократно говорил о приближении Царствия Божьего: «Истинно говорю вам, что многие из стоящих здесь не увидят смерти, как узрят Царствие Божие, грядущее в силе» [Мк. 9, 1]. Эти слова – свидетельство о великой Истине, что с пришествием в мир Спасителя Царствие Божие стало доступно каждому человеку, и каждый из нас имеет возможность войти в него. Но есть неперемное условие, некий «проходной билет» в это Царствие – это покаяние.

Царствие Божие, по слову Спасителя, внутри каждого человека [Лк. 17, 21]: царство мира, радости, правды, любви, блаженства... Царствие Божие есть полнота бытия и в нашей земной жизни, и в жизни будущего века. В переводе на обычный язык, Царствие Божие – это абсолютное счастье, больше которого нет ничего. И для вхождения в него не требуется того, что кажется столь возделанным, столь необходимым, столь важным для современного человека. Чтобы войти туда, не нужно занимать высокое положение в обществе; не нужно обладать властью; не нужно денег или человеческого успеха...

Александр Иванов. Преображение Господне. Фрагмент. (1850-е гг.)

Чтобы войти в это Царствие, надо только покаяться – и никаких других условий нет. А потому Царствие Божие открыто для всех: для богатых и бедных, для могущественных и слабых, для успешных и для тех, кто очень неудачлив с обывденной точки зрения.

«В злохудожну душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси повиннем греху» [Прем. 1, 4], учит слово Божие. Свет Божественного Царства не может войти в «злохудожную» (имеющую склонность ко злу) душу, ибо свет и тьма несовместимы. Там, где свет перемешивается с тьмой, царят сумерки, а сумерки – это не свет. Там, где грех и зло – там не может быть в полноте Божией Правды и Божьего Царства.

Каждый из нас несёт внутри себя человеческую неправду и грех. Более того, в течение жизни мы так срачиваемся со своими грехами, что они становятся частью нашего бытия; иногда мы даже опираемся на эти грехи, чтобы добиться своих жизненных целей... Нам надо подумать о своей жизни и ясно представить себе, что с нашими грехами и с нашей неправдой мы не сможем войти в Царствие Божие. Господь, нисходя к каждому человеку, даёт нам удивительную способность к самоочищению. Этой силой, очищающей человеческий разум и сердце, является покаяние, осознание своей неправды. Покаяние есть возможность сбросить с себя грех, сказав самому себе правду о собственной жизни, и сделать это пред Лицом Божиим. Чтобы помочь человеку раскаяться пред Богом, Церковь вводит его в особую благодатную стихию: великопостных Богослужений, молитвы, частого причащения Святых Христовых Таин.

Время поста – это время очищения души, время, когда мы готовим себя к принятию Царствия Божия. В этом Царстве присутствует Бог; там нет зла, нет лжи и нравственной грязи. И все мы призваны войти туда – в Царство, где только Свет и Правда. И да поможет всем нам Господь обрести внутреннюю силу, дабы, покавшись, сделать шаг на пути к Царствию Божию. Аминь.

Из Слова Святейшего Патриарха
Московского и Всея Руси Кирилла

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

О, Царь и Бог мой! Слово силы
во время оно Ты сказал, –
и сокрушён был плен могилы,
и Лазарь ожил и восстал...

Молю – да слово силы грянет,
да скажешь: «Встань!» душе моей!..
И, мёртвая, из гроба встанет,
и выйдет в свет Твоих лучей.

И оживёт, и величавый
её хвалы раздастся глас
Тебе – сиянию Отчей Славы,
Тебе – умершему за нас!..

Алексей Хомяков

Джотто ди Бондоне. Воскрешение Лазаря. Фреска. (1304-1306 гг.)

С РАДОСТЬЮ ГРЯДУЩЕГО ВОСКРЕСЕНИЯ

31 марта празднуется «Лазарева Суббота». «Евангелие» от Иоанна повествует о воскресении по слову Божию Господня Лазаря через четыре дня после его смерти. Житель Вифании, брат Марфы и Марии, впоследствии Лазарь был вынужден из-за преследований покинуть Иудею и перебраться на Кипр, где апостолы Павел и Варнава поставили его первым епископом Китиона. После своего воскресения Лазарь прожил ещё тридцать лет, а затем во второй раз скончался на Кипре в 63 году.

Совсем близка Страстная Седмица, и на этой грани в образе Лазаря и его воскресения мы обретаем радующую нас надежду: Господь крепче смерти, Господь победил её. Победа эта явлена не только в очевидно телесно воскресшем Лазаре, но и в другом, глубинном смысле, чрезвычайно важном для каждого из нас. И этот второй смысл изо дня в день всё ближе, всё непосредственнее обращён к нам самим, к каждому человеку.

Бог создавал человека другом Себе; и эта дружба, которая существует между Ним и нами, ещё углублена, сделана ещё более тесной в Крещении нашем. Каждый из нас является другом Божиим, как Господом назван был Лазарь; и в каждом из нас когда-то этот друг Божий жил: жил дружбой с Богом, жил надеждой, что эта дружба будет углубляться, расти, светлеть. Иногда это бывало в очень ранние дни нашего детства; иногда позже, в юношеские годы: но в каждом, в каждом из нас жил этот друг Христов!..

А потом в течение жизни – как цветок увядает, как истощается в нас надежда, радость, чистота – истощилась в нас сила этого друга Господня. И часто-часто мы чувствуем, что в нас, словно во гробе, где-то лежит (нельзя сказать «покоится»), а именно лежит, страшной смертью поражённый) четверодневный друг Господень – тот, который умер, к гробу которого сёстры боялись подойти, потому что он уже разлагается телом...

И над этим другом как часто сетует наша душа – как часто сетуют живущие в ней Марфа и Мария. Это та сторона нашей души, которая, подобно Марии, по своему призванию, по своим силам и возможностям способна молчать у ног Господних, слушая каждое Его Слово, делаясь живой и трепетной от каждого животворящего Слова Господня. И та сторона нашей души, которая, подобная Марфе, способна была бы в правде и чистоте, с вдохновением творить в жизни дела Божии. Которая могла бы быть не встревоженной мятущейся служанкой, какой мы часто бываем по образу растерявшейся Марфы евангельской, а трудолюбивой, творческой, живой Марфой, способной превращать своими руками, своей любовью, своей заботой всё самое обыкновенное вокруг нас – в Царство Божие, в явление любви человеческой и Любви Божией. И так, эти две силы в нас: сила созерцания и сила творчества – поникшие, бесплодные, зашедшие в тупик Марфа и Мария, – обе эти силы в душе нашей сетуют над тем, что умер в нас друг Господень Лазарь.

И минутами близко-близко к нам подходит Господь – и мы готовы, как Марфа, воскликнуть: «Господи, зачем Тебя не было здесь в момент, когда решалась борьба между жизнью и смертью, в момент, когда Лазарь ещё был жив – только поражён насмерть, и мог бы быть удержан в этой жизни! Если бы Ты был здесь, он не умер бы...». И слышим Его Слово: «Веришь ли ты, что он воскреснет?» И мы тоже, как Марфа, готовы сказать: «Да, Господи, – в последний день...».

Но когда говорила Марфа, она сказала это с такой надеждой: «Я всегда веровала, что Ты – Господь, и я верую, что Лазарь воскреснет в последний день!..». А мы говорим это печально, грустно: «Да, в последний день воскреснет, когда уже, как говорит «Великий канон», кончится жизни торжество, когда уже будет поздно на земле творить, когда будет поздно жить верой, и надеждой, и ликованием нарастающей любви...»

Но Господь и нам говорит, как и ей; говорит нашей безнадёжности, как сказал её совершенной надежде: «Я – воскресение и жизнь! И если кто в Меня верует, если бы и мертв был – воскреснет...».

И хочется вспомнить ещё другое: Марфа ведь не знала, что за три дня до этого Христос Своим ученикам говорил, что насмерть болен Его друг; не знала, что Господь дал ему

умереть, чтобы он воскрес – но воскрес бы уже богатый таким опытом, такой Победой Божией, что уже ничто и никогда не сможет его поколебать...

Пришёл Господь и повелел Лазарю встать из мёртвых: вот животворящий образ для нас, вот великий пример и надежда. В каждом из нас лежит друг Божий, «Лазарь» – умерший, побеждённый, окружённый нашим сетованием, часто безнадежным. А «Евангелие», на самой грани Страстных дней, нам говорит: «Не бойтесь! Я – воскресение и жизнь! Тот друг Господень, который в вас жил, который в вас есть, который кажется безнадежно мёртвым, от одного Слова Моего может воскреснуть – и поистине воскреснет!..».

И вот, войдём в Страстные дни с этой надеждой, с уверенностью, что мы всё ближе к Пасхе, к переходу от временного к вечному, от смерти к жизни, от нашей поражённости – к Победе Господней. Войдём в Страстные дни с трепетом о том, как нас возлюбил Господь и какой ценой Он даёт нам жизнь, войдём – уже теперь! – с надеждой, со светом и с радостью грядущего воскресения.

По слову митрополита Антония Сурожского

ОЧИСТИ ВНУТРЕННЕЕ...

«...Благодарение Богу, Который всегда даёт нам торжествовать во Христе» [2Кор. 2, 14].

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности являетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» [Мф. 23, 25-28].

Очисти внутреннее, чтоб и внешнее чисто было... Внешнее поведение у нас в общегитии всегда почти исправно: боимся суда людского и сдерживаемся. Если же и внешне предаются порокам, то это уж последнее дело, значит, стыд всякий потерян.

Но при исправности поведения видимого не всегда бывает исправен внутренний строй мыслей и чувств. Там даётся полная свобода самоугодию, которое наружно и удовлетворяется, насколько это сносит людской глаз и насколько можно прикрыть от него дела свои. Это точь-в-точь гроб раскрашенный. Вместе с тем, внутренняя нечистота делает нечистым и внешнее.

Очисти же это внутреннее, тогда и внешнее станет чисто, и весь будешь чист, сделаешься сосудом, годным на всякое доброе употребление Домовладыке.

Дивиться надо, отчего это внутреннее остаётся в пренебрежении: ведь погибли себе никто не хочет. Верно, враг держит такую душу в ослеплении: что это ничего, лишь бы явных грехов не было. Или научает её отлагать на завтра главное дело: завтра займёмся серьёзно собою, как следует, а ныне пусть душа поусладится страстными мыслями и мечтами, если не делами.

Постережёмся, как бы не устареть в этом настроении и как бы исправление для нас так же не стало невозможным, как переучивание старика!..

Святитель Феофан Затворник
«Мысли на каждый день года»

КАК НАЙТИ ДРУГА

– А почему ты не играешь с другими ребятами? – спросила воспитательница у мальчика, сидящего в углу игровой комнаты.

– Я пока смотрю, – ответил мальчик тихо.

– Но разве тебе не хочется поиграть с остальными детьми? – изумилась воспитательница.

– Очень хочется, – согласился мальчик и слегка улыбнулся.

– Так, может, стоит присоединиться к остальным и перестать смотреть со стороны? – заинтересовалась она так мягко, словно песня прозвучала в её устах.

– Мой дедушка научил меня наблюдать за играми животных. И объяснил, что в тот момент, когда увидишь в их поведении и взгляде добро, смелость и отзывчивость, то нужно лишь показать, что и ты – такой же. И к тебе придёт друг, с которым ты будешь играть всю жизнь, – с искренней уверенностью произнёс ребёнок.

Затем он отвёл глаза, обратившись в ту сторону, где несколько детей играли в мяч, и встал. Сделал спокойный, но уверенный шаг и, не переставая смотреть в том направлении, замер...

Воспитательница с чудным удивлением смотрела на мальчика и ждала, когда он сделает ещё шаг. И в тот момент, когда ей захотелось сказать: «Не бойся, иди к ребятам!.. – как в эту же секунду к ним подбежал другой мальчик с мячиком и со словами: «Привет! Я Игорь. Пойдём, будешь играть в нашей команде», – тут же обхватил медлившего в ожидании мальчика сзади за плечи, словно обняв, и повёл к другим.

А воспитательница, вздохнув от переполнявших её эмоций, с радостью смотрела в будущее – и видела двух друзей.

ТИХИЙ ПОДВИГ ВЕРЫ

9 марта – день обретения честных мощей Святого благоверного князя Романа Угличского

Непростая доля выпала князю Роману на его земном пути. Во времена жизни его Русская Земля проходила суровые испытания: на свет появился будущий угличский подвижник незадолго до опустошающего нашествия монголов. В 1223 году полыхнула несчастливая для русских битва на реке Калка – и одолела тогда наших князей неведомая дотоле Орда, нахлынувшая с востока. Правда, одержав победу, супостаты исчезли так же внезапно, как и появились. Казалось, гроза миновала – но и двух десятков лет не прошло с той поры, как к русским границам подошла несметная сила Бату-хана. Роману Угличскому, родившемуся в октябре 1235 года. По младенческому тогда своему возрасту, княжич Роман, второй сын угличского удельного князя Владимира Константиновича и внук великого князя Владимирского Константина Всеволодовича, был опекаем матушкой, княгиней Фотинией: ему исполнилось только два года... А старшего его брата звали Андрей.

Трудно жила в тот период Русь. Готовясь к хищному броску на наши земли, Батый встал в устье реки Воронеж, перво-наперво нацелившись на славный город Рязань. Никто из больших и сильных городов не помог рязанцам – только пронские, муромские да коломенские князья собрали малые силы и выехали против татар к Воронежу, «желая там сотворить с ними брань», как свидетельствуют летописные источники. Не успели – хан сам нанес упреждающий удар. Он перебил наряженное рязанцами посольство и двинулся в пределы княжества. На пути к Рязани татары наткнулись на сторожевые городки степной оборонительной линии, существовавшей с незапамятных времён в пределах современных Воронежской и Липецкой областей. Защитники этих малых городков, стоявших по рекам Дон и Воронеж, мужественно бились и погибали, но, сколь могли, задерживали агарянскую грозную рать – но только на время отсрочивая её продвижение: ни отразить набег, ни самим ударить сил пока не доставало...

Неотвратимо накатывалась Батыева лава: царевичи, ханы и мурзы; тысячники, сотники, десятники. Изукрашенные, богатые звериным мехом, железные, конные и оружейные воины. Кони буланые, пики-сабли булатные. Барабаны, колотушки, бубны. Верблюды, арбы, юрты на колёсах. Оставляла за собою Орда горький запах дыма и обугленных брёвен да багровые отблески пожаров на стылом снегу... Разорив стольный град Владимир и небольшой в те времена городок Москву, свирепый Батый обратил сабли своих нукеров к богатым русским землям на Волге.

Владимир Угличский не сопротивлялся татарам с оружием в руках, но и не сдался на милость победителя. Вместе с семьёй он ушёл в пределы Великого Новгорода. Покорённые русские князья вынуждены были идти на поклон в ставку Батыя, а угличский владыка отказался склонить голову, неоднократно уходя «из града в град» от зоркого ока завоевателей. Так и окончил свою жизнь в скитаниях. После смерти тело князя перевезли в родной удел, Углич и погребли в кафедральном Преображенском соборе.

Странствуя в юности вместе с отцом, княжич Роман воочию увидел разорение родной земли: печаль да горькие слёзы, сожжённые сёла и веси, заросшие сорной травой поля. Не добрые смерды покрикивали на нивах во время пахоты и жнивья, но граля угрюмые вороны. И скорбью наполнялось сердце Романа, и взывал он ко Господу, моля Его отворотить тяжкую беду от Руси.

По смерти Владимира княжить Углича стал старший брат Романа, шестнадцатилетний Андрей, который тихо скончался в 1261 году. И тогда на княжий стол сел Роман, достигший в ту пору двадцати шести лет.

Святитель Димитрий Ростовский писал о нём: «Князь Роман отличался благочестием и не питал большой склонности к шумной жизни и веселью. Он занимался чтением книг, любил Божии храмы, духовенство и церковную службу». Отец и дед Романа в

своё время собрали великолепную библиотеку, едва ли уступавшую знаменитому собранию великого киевского князя Ярослава Мудрого, память которого чтится 5 марта.

К княжению Романа относят постройку многих церквей в Угличе и Угличском княжестве, которое при нём пользовалось миром, насколько это было возможно в непростые времена татарского владычества. Власть Романа распространялась на города Кашин, Вежецкий Верх, Устюжна, Дмитров и Звенигород. Кроме того, он построил новый город Романов на левом высоком берегу Волги напротив слободы Борисоглебской. Своими неустанными трудами и молитвами Роман сумел сохранить на своих землях очаг святости и Веры Православной, не дал угаснуть надежде на избавление от тяжкого иноземного ига.

Угличский князь радел о благотворительности, заботился об устройении богаделен и странноприимных домов: ведь в результате татарских погромов появилось тогда великое множество сирых и людей, лишившихся крова, богадельни и странноприимные дома сыграли огромную роль. Мать Боголюбивого угличского князя, приняв иночество с именем Евдокия, жила при сыне, а по своей кончине была упокоена рядом со своим супругом Владимиром в соборе Углича.

В 1265 году Роман сочетался браком с княжной Александрой, однако потомства этот пятнадцатилетний союз любви и верности не оставил. В 1281 году почил в Бозе Александра, и Роман, оставшись один, проводил остаток своих земных дней в подвигах благочестия. Преставился ко Господу благоверный князь в феврале 1285 года в возрасте пятидесяти лет. Тело его, вослед за родичами, также перенесли в угличский соборный храм Преображения Господня, где Роман и почил рядом с родителями, братом и женой.

Через двести лет после смерти князя Романа новый угличский князь Андрей, сын Василия Тёмного, принял за возведение каменного собора Преображения Господня на месте древнего деревянного храма. Принялись копать ров под фундамент нового собора. Тогда-то и были обретены нетленные мощи князя Романа Владимировича Угличского. Произошло это знаменательное событие 9 марта 1485 года. Мощи благоверного князя торжественно перенесли в новостроящийся храм и благоговейно почитали. Там они и почивали с миром более века, причём по молитвам у мощей угличского святого происходили многочисленные исцеления от разных болезней.

Засвидетельствовано, что чудеса у мощей князя Романа особенно усилились после злодейского убийства в Угличе царевича Дмитрия в пору, когда на Русской Земле пришло время Великой Смуты... Земная жизнь князя Романа прошла в непростую пору. Не менее тяжкие времена наступили, когда с убийством младенца Дмитрия практически прервалась царская династия. Но именно в этот переломный момент умножающееся число чудес у мощей Романа Угличского будто показывало – Господь поругаем не бывает!

Слава о нетленных мощах благоверного князя Романа распространялась всё шире, и патриарх Иов поручил казанскому митрополиту Гермогену на месте освидетельствовать святые мощи, собрать воедино зафиксированные сказания о чудесах, после чего благословил составить житие, стихиры и канон святому Роману, а равно и описание чудес, произошедших в период

с 3 февраля 1605 года, что с честью и выполнили городской воевода Семен Романович Олферьев и инок Переяславского Данилова монастыря Сергей.

Однако испытания длились: в 1609 году Углич был разорён литовцами, святые же мощи князя Романа ворвавшиеся в город разбойники нарочито глумливо сожгли в самом Преображенском соборе...

Подобные выходы наших недругов стары, как мир. Сколько раз враг, придя с оружием на нашу землю, пытался осквернить Божии храмы, святые образа и православные реликвии!.. Старались совсем не по скудоумию: это была наглядная и циничная демонстрация пришельцами того, что наши святые для них ничего не значат и что надеяться русскому народу и не на что, и не на кого. Но раз за разом такие происки проваливались, ибо Вера русского человека в тяготах лишь крепла.

Вот и в тот раз благочестивые люди собрали на пожарище косточки обожжённых мощей благоверного Романа Угличского: рёбра, руки, ноги, его святую главу – и, положив в новую раку, вновь благоговейно поставили её в соборном Преображенском храме.

Конечно, когда Углич очистили от иноземных находников, самые первые описания чудес, исходивших от молитв у мощей князя Романа, отыскать не удалось: они погибли в пожаре. Зато сохранились свидетельства о чудесах исцеления, совершаемых с 3 марта 1605 года.

Основываясь на этом и были составлены новые житие и служба Роману Угличскому, святому благоверному князю Богоспасаемой Руси – одному из множества святых подвижников Православного мира.

Игорь Маркин

Спасо-Преображенский собор в Угличе

♦ НАЗНАЧЕНИИ ЖЕНЩИНЫ

По слову архиепископа Харьковского и Ахтырского Аверосия (Ключарева, 17.03.1820-03.09.1901)

«Что солнце, восходящее на высотах Господних, то красота жены в убранстве дому ея», – гласит древняя «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова» [Сир. 26, 20-21].

Среди вопросов, особо занимающих мыслителей нашего времени – вопрос о назначении женщины. А в числе современных учений, наиболее возмущающих мирное развитие христианских девиц, есть учение о «высвобождении» женщины из того «стеснённого» положения, в котором, по мнению новых философов, она ныне находится не из-за древних заблуждений и предрассудков, а под влиянием самого учения христианского.

Доселе последователи учения Христова радовались, что в христианстве женщина – не предмет грубых наслаждений, не раба мужу, а свободная помощница его в трудах и равноправная участница не только во благах жизни земной, но и в блаженстве Жизни Вечной. Ныне же говорят: этого мало. Надо вывести женщину на широкое поприще, которое присвоили себе мужчины; надо сделать ей доступными все общественные должности и права; открыть ей все источники знания, все роды деятельности. Только тогда, говорят, она явится во всём совершенстве и блеске своей природы и вполне разделит с мужем как борьбу и труд жизни, так и торжество успеха...

Между тем, соединив в одно целое обязанности женщины, изложенные в «Библии», и описание тех многих достоинств, каковые при исполнении этих обязанностей должны раскрыться в её природе, мы получаем чистый и светлый женский образ, в котором находим все данные для правильного развития и счастья всего человечества.

По библейскому учению, девица, с кротостью нрава, с румянцем стыдливости на лице и целомудрием во взоре, радость матери, утешение отца и братьев – это цветок, которому по назначению самой природы суждено расти в тени, где только и может он сохранить свою красоту и благоухание. Супруга, неизменный друг мужа, участвует всею душою в его радостях и печалях, готова идти с ним всюду и разделить всякую участь. Мать – неустанная попечительница о детях, насаждающая в сердцах их страх Божий и семена множества добродетелей.

Как член Церкви, библейская женщина есть душа, полная Веры и покорности Воле Божией, смиренная и мужественная; в скорбях и лишениях – безропотная; ради истины и чести на все жертвы готовая; в опасностях – бесстрашная; в страдании – несокрушимая. Для неё не закрыто поприще общественной деятельности, но она не порывается на него с самонадеянностью и с забвением коренных свойств своей природы, а выходит только по особому призванию Промысла Божия. Высшая равноправность её с мужчиною открывается в том исповедании Веры, что «во Христе Иисусе несть мужской пол и женский» [Гал. 3, 22]. В том, что жена наравне с мужем есть участница всех даров Духа Божия; что Пресвятая Дева Мария, послужившая тайне искупления человеков – есть Царица Небесная, честнейшая херувим и славнейшая без сравнения Серафим...

Говоря это, мы не намерены входить в прения с новыми писателями по так называемому «женскому вопросу»; в кратком слове это невозможно, да известна и бесплодность этих прений. Только для христианских семейств, где хотят утвердить в детях понятия об истинной и чистой красоте – для них мы желаем под руководством библейского мудреца представить любезный и достойный образ доброй жены, верной своей природе и своему естественному призванию.

Александр Простев. Феврония Муромская. (2005 г.)

Солнце светит – и добрая жена силою своих умственных дарований свойственным ей светом озаряет свой «малый мир». От матери, жены, сестры сколько все мы получаем добрых советов, разумных указаний, благовременных предостережений, которые иногда имеют влияние на всю нашу жизнь! Женщина лучше, чем мы сами, среди наших друзей отличит истинных – от ложных; она верно определит влияние на нас посещаемого нами общества; она укажет вовремя на зарождающуюся в нас страсть; её советы и справедливые упреки как совесть сопровождают мужчину на путях нашей общественной жизни, а воспоминание о чистоте и доброте её сердца, из которого исходят предостережения, хранит нас от падений...

Нам скажут, что мы – враги просвещения, что мы хотим держать женщин в невежестве и порабощении. Нет, конечно: мы любим науку, мы знаем, что жена добрая ещё прекраснее, если она – просвещённая. Но мы сожалеем о том, что жена просвещённая нередко перестаёт быть доброю в указанном нами подлинном смысле; и мы выражаем желание иного, более целесообразного порядка женского образования.

Солнце греет... Во все времена все народы были убеждены, что сердце доброй жены, как свет, имеет притягательную силу, влекущую к ней мужа и детей. В её малом мире, прибранном и благоустроенном, муж отдыхает, дети счастливы. Здесь, в тишине уединения, незаметно для света деятели большого мира получают такие впечатления, которые

обнаруживают решительное влияние иногда и на громкие общественные дела, и на великие события.

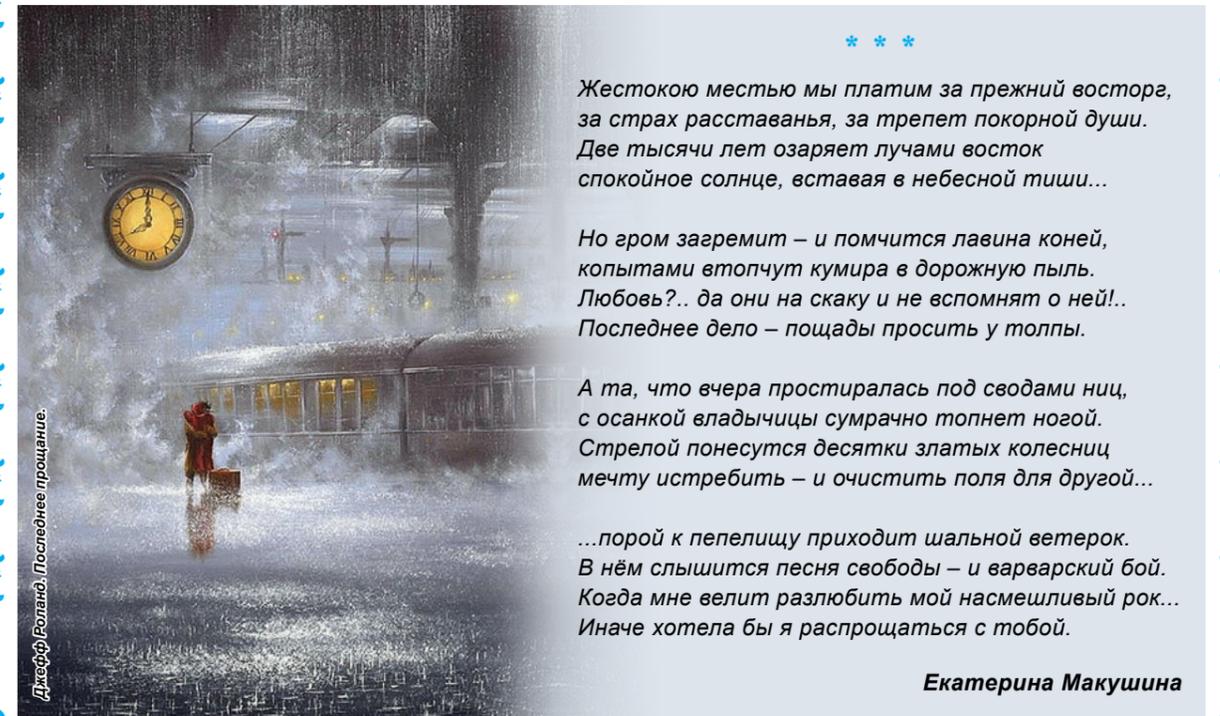
Нет столь обидного общественного положения, нет столь тяжкого труда, нет столь горькой доли, с которой не примирила бы мужа любящая и добрая жена. Потому-то с незапамятных времён за семейный кров, за жену и детей мужа и отцы поливали бранные поля своею кровью. Только ныне у нас враждебная сила ложного «просвещения» с яростью нападает на семейный кров и всеми способами раздирает женское сердце. Всеми приманками общественных увеселений из тихой семейной жизни увлекают ныне женщину в жизнь уличную, чтобы сделать её целью жадных взоров всякого проходящего. Ненужным знакомством с тайнами физиологии и медицины, соблазнительными зрелищами, преждевременным сближением с мужским обществом (нередко дурным) лишают её крепчайшего ограждения человеческой добродетели – стыдливости и внутреннего целомудрия. Вызывая её на общественную, не свойственную её природе деятельность, возбуждают в ней ложную самоуверенность, иногда доходящую до дерзости.

Солнце животворит... Ясный, просвещённый Верою разум и доброе сердце матери составляют в деле воспитания детей такую же созидательную силу, как для природы свет и тепло лучей солнечных. Не наука, не книги полагают в детской душе первые семена Истины и Добра, а живые люди, и прежде всего – матери. По их примеру складывается человек, под их наблюдением он выдерживается и укрепляется. Кто даст дитяти первое понятие о Боге, Отце и Промыслителе человеков лучше матери, которая всего ожидает от Господа,

на всё призывает Благословение Божие, при всех радостях возводит благодарные взоры к Небу, во всех скорбях колена-преклонённая пред Богом изливает печаль свою? Один образ благоговейно молящейся матери есть для ребёнка живое изображение самой молитвы, образ, возбуждающий молитвенное расположение в его сердце лучше всякого наставления. Отвращение от греха и порока и страх ответственности пред Богом, написанные на лице матери, раньше уроков раскрывают и воспитывают детскую совесть. Никому не уследить, когда именно в юной душе дают первые ростки семена добра и зла, но верно то, что если хорошие или дурные свойства взрослых людей возрастают из этих семян, то большое количество добра и зла, вносимое в общество каждым поколением, зависит от первоначального семейного воспитания.

«Благ еси, Ты Господи, и благодатию Твоею научи нас оправданием Твоим» [Пс. 118, 68]. Аминь!

* * *

*Жестокою мстью мы платим за прежний восторг,
за страх расставанья, за трепет покорной души.
Две тысячи лет озаряет лучами восток
спокойное солнце, вставая в небесной тиши...*

*Но гром загремит – и помчится лавина коней,
копытами втопчут кумира в дорожную пыль.
Любовь?.. да они на скаку и не вспомнят о ней!..
Последнее дело – пощады просить у толпы.*

*А та, что вчера простиралась под сводами ниц,
с осанкой владычицы сумрачно топнет ногой.
Стрелой понесутся десятки золотых колесниц
мечту истребить – и очистит поля для другой...*

*...порой к пепелищу приходит шальной ветерок.
В нём слышится песня свободы – и варварский бой.
Когда мне велит разлюбить мой насмешливый рок...
Иначе хотела бы я распрощаться с тобой.*

Екатерина Макушина

«ЗОЛОТИСТЫЙ-ЗОЛОТОЙ»

...И сказал ей бородатый главарь, увитый по лбу зелёной лентой – тебе туда. И показал стволом автомата на горный склон – за ним ты найдёшь своего сына. Или то, что от него осталось. Если дойдёшь, конечно.

И замерли от этого жеста боевики, а в первую очередь те, кто устанавливал на этом склоне минное поле. Надёжно устанавливал – для собственной же безопасности, туда-сюда, движение.

Разведка федеральных сил не прошла – откатилась, вынося раненых. Попавшие под артобстрел шакалы, спасаясь от снарядов в ущелье, вырывались сюда на простор и на потеху Аллаху устраивали фейерверк на растяжках. Пленные, что вздумали бежать, взлетели здесь же на небеса.

Сын? Нет, сына её здесь нет, но они слышали о пленном русском солдате, который отказался снять православный крестик. Зря отказался – через голову и не стали снимать, делов-то: отрубили голову мечом, и тот сам упал на траву. Маленький такой натальный крестик на шёлковой нитке, мгновенно пропитавшейся кровью. Гордого из себя строил, туда-сюда, движение. А то бы жил. Подумаешь, без креста... Дурак. А похоронили его как раз там, за склоном. Иди, мать, а то ночь скоро – в горах быстро темнеет. Жаль только, что не дойдёшь. Никто не доходил.

Пошла. Пошла по траве, выросшей на минах, и среди тоненьких проводков, соединявших гранаты-ловушки. Вдоль израненных осколками кустарников. Вдоль желтеющих косточек чьих-то сынков, не вывезенных с минного поля ни своими, ни чужими. Собрать бы их, по ходу, раз она здесь, похоронить по-людски, с молитвой – но она шла-торопилась к своему дитяти, к своей кровинушке, к своему дурачку, не послушавшего бандита. О, Господи, за что? Ведь сама, прилюдно, надевала сыночку крестик на призывном пункте – чтобы оберегал. И видела ведь, видела, что стесняется друзей её Женька, запрятывая подарок глубоко под рубашку. Думала, грешным делом, что не станет носить, снимет втихаря. Не снял...

А ей всё смотрели и смотрели след те, кто захотел иметь собственное солнце, собственную личную власть, собственных рабов. Ухоженные, упитанные, насмешливые бородачи. Три месяца она, ещё молодая женщина, ощущала на себе эти взгляды, терпела унижения, оскорбления,

Русский воин Евгений Родионов и его мать Любовь Васильевна

издевательства. Три месяца её секли холодные дожди, от которых в иные времена могла укрыться лишь собственными руками. По ней стреляли свои и чужие: по одинокой незнакомой фигуре на войне стреляют всегда – на всякий случай или просто ради потехи. Она пила росу с листьев и ела корешки трав. Она давно потеряла в болоте туфли и теперь шла по горным тропам, по лесным чащам, по невспаханым полям босиком. Искала сына, пропавшего в чужом плену на чужой войне. Не выспавшейся переходила от банды к банде, голодной – от аула к аулу, заколоченной – от ущелья к ущелью. Но знала: пока не найдёт живого или мёртвого, не покинет этой земли, этих гор и склонов.

«Господи, помоги. Дай мне силы дойти и отыскать. На коленях бы стояла – да идти надо. Помоги, Господи. Потом забирай всё, что пожелаешь: жизнь мою забирай, душу, разум – но сейчас помоги...».

– Сейчас, сейчас взлетит, туда-сюда, движение.

– Живучая. Но здесь ещё никто не проходил, – ждали боевики, не спуская глаз с русской женщины и боясь пропустить момент, когда вздыбится под её ногами земля, когда закончатся её земные муки.

Не заканчивались. То ли Небеса, оправдываясь за страшную кару, выбранную для её сына, отводили гранатные растяжки, то ли ангелы прилетели от него, от Женьки, и подстилали свои крыла под растрескавшиеся, с запечённой кровью ноги, не давая им надавить сильнее обычного на минные взрыватели. Но она шла и шла туда, где мог быть её сын, уходила прочь от главаря с зелёной лентой, исписанной арабской вязью. И когда уже скрывалась с глаз, исчезала среди травы, один из боевиков поднял снайперскую винтовку, поймал в прицел сгорбленную спину: прошла она – проведёт других. Не взлетела – так упадёт...

Но что-то дрогнуло в бородаче, грубо отбил он в сторону оружие и зашагал прочь, в ущелье, в норы, в темень. Он не угадал. А тот, кто не угадывает, проигрывает...

...А ещё через два дня к боевому охранению пехотного полка вышла с зажатым в руке крестиком на шёлковой нити седая старушка. И не понять было с первого взгляда: русская ли, чеченка?

– Стой, кто идёт? – спросил, соблюдая устав, часовой.

– Мать.

– Здесь война, мать. Уходи.

– Мне некуда уходить. Сынок мой здесь.

Подняла руки – без ногтей, скрюченные от застывшей боли и порванных сухожилий. Показала ими в сторону далёкого горного склона – там он. В каменной яме, которую вырыла собственными руками, ногтями, оставленными там же, среди каменной крошки... Сколько перед этим пролежала без памяти, когда отыскала в волчьей яме родную рыжую головушку, из-за которой дразнили её Женьку ласково «Золотистый-золотой» – не знает. Сколько потом ещё пролежала рядом с найденным обезглавленным телом её мальчика – не ведает тоже.

Но очнувшись, поглядев в чужое безжизненное небо, оглядев стоявших вокруг неё в замешательстве боевиков, усмехнулась им и порадовалась вдруг страшному: не дала лежать сыночку разбросанному по разным уголкам ущелья...

Выслушав её тихий стон, тоже седой, задёранный противоречивыми приказами, обвинённый во всех смертных грехах политиками и правозащитниками, ни разу за войну не выспавшийся подполковник дал команду выстроить под палящим солнцем полк. Весь, до последнего солдата. С Боевым Знаменем.

И, лишь замерли взводные и ротные коробки, образовав закованное в бронезилеты и каски каре, он вывел нежданную гостью на середину горного плато. И протяжно, хриплым, сорванным в боях голосом прокричал над горами, над ущельем с остатками банд, над минными полями, покрытыми склоны – крикнул так, словно хотел, чтобы услышали все политики и генералы, аксакалы и солдатские матери, вся Чечня и вся Россия:

– По-о-олк! На коле-е-но-о-о!

И первым, склонив седую голову, опустился перед маленькой, босой, со сбитыми в кровь ногами, женщиной. И вслед за командиром пал на гранитную пыльную крошку его поредевший до батальона, потрепанный в боях полк.

Рядовые пали, ещё мало что понимая в случившемся. Сержанты, беспрекословно доверяющие своему «бате». Три оставшихся в живых прапорщика – Петров и два Ивановых, опустились на колени.

Лейтенантов не было – выбило лейтенантов в атаках: рвались вперёд, как мальчишки... И следом за прапорщиками склонились повинно майоры и капитаны, хотя с курсантских погон их учили, что советский, русский офицер только в трёх случаях имеет право становиться на колени: испытать воды из родника, поцеловать женщину и попрощаться с Боевым Знаменем.

Сейчас Знамя по приказу молодого седого командира само склонялось перед щупленькой простоволосой женщиной. И оказалась вдруг она, вольно или невольно, по судьбе или случаю, но выше красного шёлка, увитого орденовыми лентами ещё за ту, прошлую, Великую Отечественную войну. Выше подполковника и майоров, капитанов и трёх прапорщиков – Петрова и Ивановых. Выше сержантов. Выше рядовых, каким был и её

Мамаев Курган. Монумент «Скорбящая мать» на Площади Скорби. Волгоград

Женька, геройских дел не совершивший, всего один день побывший на войне и половину следующего дня – в плену... Выше гор вдруг оказалась, тревожно замерших за её спиной и слева. Выше деревьев, оставшихся внизу, в ущелье.

И лишь голубое небо неотрывно смотрело в её некогда васильковые глаза, словно пыталось насытиться из их бездонных глубин силой и стойкостью. Лишь ветер касался её впалых, обветренных щёк, готовый высушить слёзы, если вдруг прольются. Лишь солнце пыталось согреть её маленькие, хрупкие плечики, укрытые выцветшей кофточкой с чужого плеча.

И продолжал стоять на коленях полк, словно отмаливал за всю Россию, за политиков, не сумевших остановить войну, муки и страдания всего лишь одной солдатской матери. Стоял за её Женьку, рядового золотистого воина. За православный крестик, тайно надетый и прилюдно не снятый великим русским солдатом в этой страшной и непонятной бойне...

Николай Иванов

Небо серое, словно рентгеновский снимок души.
А душа моя плачет, что снова в грехи опускаюсь.
А ведь были и ночи, и дни – так светлы, хороши!..
Помоги мне, Господь, и поверь, что я искренне каюсь.

Вразуми, научи, помоги эту жизнь проходить
Без ошибок, и слабостей, и без страстей безрассудных.
Помоги эту жизнь, этот финиш достойно дожить,
Не застрять в суете, в болтовне или в помыслах скудных...

Геннадий Иванов

НЕ ПОЖЕЛАЙ ЧУЖОЙ ДОЛИ...

Господь сказал ученикам своим: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за мною» [Мф. 16, 24]. Важно понять: крест у каждого свой, и именно он даёт нам как личный путь ко Спасению – со Христом. Чужая доля, на первый взгляд, и завидная – это всегда чужой крест, о котором тебе неизвестно, и потому ничему не стоит завидовать. Кроме того, многие люди находятся в заблуждении по поводу несения своего креста по жизни. Кто-то скажет: мой крест – это муж-алкоголик, я с ним страдаю всю жизнь. Другой сочтёт своим крестом мучавшую его физическую болезнь, третий – вечную нехватку денег, постоянные долги, а кто-то – заботу о престарелом больном родителе... Но если в упорном преодолении тягот нет самоотверженного следования за Христом, то несение такого креста бессмысленно: оно не ведёт к спасению души человека. Здесь, как правило, царит жопот, жалость к самому себе, недовольство жизнью, высказываются претензии к Богу – то есть проявляется, в основном, ветхая натура не преображённого Светом Христовым человека.

А возможность переселения в горние обители связана с внутренней способностью души жить в единстве с Богом и с ближними, жить по закону и по нормам святых. Если же душа в течение жизни на земле такой способности не выработала, то она осуждается на мучения в аду. В этом случае: что ей делать в Царстве святых?

Сущность учения о мытарствах излагает святой Кирилл Александрийский в слове «Об исходе души». Мытарства – это неизбежный путь, которым совершают свой переход от временной земной жизни к вечному жребию все души человеческие, как злые, так и добрые. На мытарствах душа не только в присутствии ангелов и демонов, но и пред Взором всевидящего Судии – Бога, постепенно и подробно испытывается во всех делах, словах и помышлениях. Души добрые, оправданные на мытарствах, возносятся ангелами в Райские обители для вечного блаженства, а души грешные, задержанные на том или другом мытарстве, по приговору невидимого суда влекутся демонами во мрак на вечное мучение...

Заботящийся о своей душе христианин в течение земной жизни совершает суд своей совести и самостоятельно, и, в особенности, когда приходит в духовное судилище – на исповедь пред своим духовником. Но не столь уж часто духовные очи кающегося способны самостоятельно узреть собственные прегрешения, и мало кто

сказывает свои грехи духовнику сам!.. Обыкновенно духовник спрашивает пришедшего на исповедь о его грехах или в порядке Десяти заповедей «Закона Божия», или следуя своей, выработанной опытом духовного руководства череде вопросов. Иногда исповедь бывает и весьма кратка, если много исповедующихся, особенно в Великий Пост. Спрашивает духовник тогда, прежде всего, о грехах важных, а о так называемых «малых грехах» на исповеди, бывает, и не упоминается. Потому у редко, второпях или недостаточно внимательно исповедующегося человека остаётся за душой довольно много не исповеданного. И если случится вдруг умереть кому после такой неполной исповеди, на мытарствах и в вечность придётся идти душе его с теми самыми не исповеданными грехами... Обычно исповедуясь кратко, мы надеемся на следующий раз, но эта надежда на будущее крайне обманчива: и по забывчивости нашей, и, главное, потому что в животе и в смерти каждого из нас волен лишь только Бог. Надеются люди на полную исповедь в старости, перед смертью. Но придётся ли исповедаться при смерти? Не будет ли кончина человека внезапной? А как часто пред смертью отнимается язык, затемняется сознание...

Хорошо потому духовникам исповедовать приходящих к ним и самим исповедующимся открывать свои грехи в порядке мытарств или тех вопросов, какие непременно предложены будут нам – каждому! – вслед за смертью. Тогда душа и совесть человека

заблаговременно привыкнет к этим вопросам. Ведь они обнимают все грехи, запрещаемые как Десятью заповедями «Закона Божия», так и девятью заповедями евангельских «Блаженств». Вопросы начинаются в мытарствах с грехов общечеловеческих, которые мы называем «малыми» (как, например, празднословие). А чем идут дальше, тем касаются грехов всё более важных и оканчиваются в двадцатом мытарстве немилосердием и жестокостью к ближнему – грехами самыми тяжкими, за которые, по слову Божию, бывает «суд без милости» не сотворившему милости.

К примеру, грех зависти, запрещаемый десятой заповедью «Закона Божия», относится к семи смертным грехам. Не просто его избежать, а ведь согрешившим завистью не пройти десятого воздушного мытарства.

Задайте себе вопрос: не завидовали ли Вы ближним своим: их богатству, счастью, здоровью, способностям и успехам в жизни? И если обнаружите в душе такую склонность – спешите исповедать её с сокрушённым сердцем.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

*Добра чужого не желать
Ты, Боже, мне повелеваешь.
Но меру сил моих ты знаешь –
мне ль нежным чувством управлять?*

*Обидеть друга не желаю,
и не хочу его селла,
не нужно мне его вола,
на всё спокойно я вззираю:
ни дом его, ни скот, ни раб –
не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
прелестна... – Господи, я слаб!..
И ежели его подруга
мила, как ангел во плоти –
о, Боже праведный!.. прости
мне зависть ко блаженству друга.*

*Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?*

*Смотрю, томлюся и вздыхаю,
но строгий долг умею чтить,
страшусь желаньям сердца льстить,
молчу... и втайне я страдаю.*

Александр Пушкин

Я ТОЖЕ ХОЧУ!..

Десятое воздушное мытарство

«Благополучно прошли мы и следующее мытарство, называемое мытарством зависти, – продолжает свое свидетельство блаженная Феодора. – У меня вовсе не оказалось грехов этого рода, потому что я никогда не завидовала. И хотя испытывались здесь и другие грехи: нелюбовь, братоненавидение, вражда, ненависть; но, по милосердию Божию, во всех этих грехах я оказалась невинна и видела, как яростно скрежетали зубами бесы, но не убоялась их. И, радуясь, мы пошли выше»...

В Писании сказано: «Кроткое сердце – жизнь для тела, а зависть – гниль для костей» [Притч. 14, 30]. Я знал одного человека, у которого был рак костей, – этот человек не был завистливым. Но когда я вместе с другими православными христианами дежурил у его больничной койки, а это было совершенно необходимо, я понял, что такое боль. Этот молодой человек молился, чтобы ему умереть, и дважды пытался выброситься в окно прямо из больничной палаты. Боль была постоянной и нарастающей... Когда я его спросил о характере боли, он ответил: «Вот когда сильно болит зуб – это локально и только с одной стороны челюсти. А рак костей – это когда так же нестерпимо ноют все кости, и ты буквально задыхаешься от боли».

Я рассказал об этом печальном случае, чтобы нам было понятнее, что такое «гниль для костей»: это чувство, которое не затихает и причиняет испытывающему его нестерпимое страдание. Вот так и живут завистники. Не позавидуешь им...

постепенно засыхает и, наконец, погибает, если его не освежит живительная роса и дождь, так и душа человека-христианина, подвергшись огню гнева и вражды против ближнего, умирает для жизни духовной, если её не оживит чувство примирения и любви христианской.

Грех зависти – зложелание, злорадство. Он проявляется во всегданшем недовольстве своим состоянием и завистью чужому успеху, положению в обществе. Внушение злого совета, пожелание неудачи, провала, печального исхода для чужих дел, радость при чужом несчастье или неудаче – и это плоды зависти. Часто этот грех выражается в презрении кого-либо и в почитании себя лучше, достойнее и праведнее других (вспомним Притчу о Мытаре и Фарисее...).

Наше общество серьёзно больно этим грехом, и нет, кажется, человека, который бы не смотрел когда-либо в сторону соседа: а что тот приобрёл нового – машину, дом, модное платье? Притом завидующий отнюдь не порадовался, а испытал чувства противоположные, забыв о предостережении Декалога: «Не пожелай дома ближнего твоего; ни жены ближнего твоего; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, и ничего, что есть у ближнего твоего». Стоит помнить и о том, что даже разговоры про богатых и бедных бывают не безобидны: в основе их часто лежит чувство зависти к чужому имуществу. А целью христианской жизни, как известно, является не приумножение материального богатства или достижение социального успеха, а стремление к миру душевному и стяжание Духа Святаго.

Мытарство десятое, зависть.
Фрески Рильского монастыря, Болгария. Фрагмент.

Как-то один из лидеров современной России сказал: «Национальная идея – это когда все конкурируют друг с другом!» Услышав это, я вспомнил слова из Писания, из «Екклесиаста»: «Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это – суета и томление духа!» [Еккл. 4, 4]. То есть зависть – это всегда взаимное чувство.

Продолжение на стр. 12-13

Увы, стремление к обогащению, культ «золотого тельца» давно превратились для многих и многих русских людей в некую национальную идею. Но чему или кому завидуют все эти россияне – мужчины и женщины, дети и старики?

Однажды я проводил в храме в Сокольниках, где служу, беседу о Десяти заповедях, и мы рассматривали заповедь: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его], ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его], ничего, что у ближнего твоего» [Исх. 20, 17].

Мы с прихожанами задались вопросом: почему иногда христиане испытывают чувство зависти по отношению к другим людям? Было высказано несколько предположений, но я, зная о сложных социальных условиях большей части наших прихожан, остановился на *зависти по отношению к богатым*. Это было связано с тем, что я часто слышал, и мне об этом рассказывали, как жёны-христианки часто ставят на вид своим верующим мужьям домашнюю бедность. И действительно, рассуждал я, так называемые богатые не испытывают подобных трудностей. Но почему мы должны завидовать им или хотя бы стремиться быть похожими на них? Ведь никто не хочет быть похожим на Гитлера или на Чикатило. Разница, конечно, есть – и, в то же время, её и нет. Я прямо обратился к нашим прихожанкам со словами: «Вы знаете, почему ваши мужья бедны? Это потому, что они не умеют воровать, обманывать, подставлять других людей, и предавать ближних, и присваивать себе то, что по праву должно в равной мере принадлежать многим. Представьте себе, – продолжал я, – сколько друзей надо предать, через скольких людей перешагнуть, чтобы стать, например, хозяином крупного банка или крупной нефтяной компании. Ведь внутренним двигателем такого человека должна быть зависть и желание дома ближнего, жены ближнего, рабов и волов ближнего, и всего того, что есть у ближнего его. А всё это вместе означает – и самой жизни ближнего своего. И чем выше человек поднимается, разбрасывая и расшвыривая других, убивая и заставляя убивать, тем он – или, правильнее сказать, «оно» – уже меньше похоже на человека, созданного по Образу и Подобию Бога. И вы хотите, чтобы ваши мужья...», – не успел я окончательно сформулировать вопрос, как услышал решительное и даже раздражённое: «Нет!..».

Сказано: «Если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не глите на Истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская» [Иак. 3, 14-15]. «Я хочу и того, и сего!.. я хочу такого, как у него!..», а значит это, как правило, «хочу чужого...».

Святые отцы древности учили нас, что есть три типа людей: человек плотской, человек душевный и человек духовный.

Человек плотской – это такой редкий тип людей, которые наслаждаются через страдания других (таких, слава Богу, меньше всего). Такими были «нефилимы» (ивр. נֶפֶלִיִּים – падшие), их также называют «сильными людьми», «героями». Сказано: «В то время были на земле исполины («нефилимы»), особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди. И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле»

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд.
Жертвоприношения Каина и Авеля. (XIX в.)

[Быт. 6, 4-5]. Эти исполины наполнили всю землю злодеяниями. Древнееврейский корень этого слова – «нафлу» – означает «падать»; они-то и опрокинули мир, так что «всякая плоть извратила путь свой на земле» [Быт. 6, 12]. На древнееврейском языке они ещё называются «анаким» («гиганты»). Некоторые древние отцы считали, что это были бесы, воплощённые на земле, или нечестивые потомки Каина («каи-ниты»). Похоже на то, что мир так и не очистился от их «бесовской крови».

Такие «гиганты» в наше время, как правило, небольшого роста и тщедушного телосложения, но они обладают сильным воздействием на массы. Ради своих внутренних амбиций они готовы буквально опрокинуть мир, развязать самую кровопролитную бойню, будучи снedaемы завистью и ненавистью ко всему праведному и святому (как Наполеон, Гитлер, Ленин). Многие из современных нам «анаким» совершают преступления из зависти по отношению к другим сгорешающим, чтобы самоутвердиться в их глазах, а чаще для самоутверждения в своих собственных.

Блаженный Августин с горечью свидетельствовал о себе в «Исповеди» [2, 7]: «Мать моя хотела, чтобы я не распутничал, и особенно боялась связи с замужней женщиной, – я помню, с каким беспокойством уговаривала она меня наедине. Это казалось мне женскими уговорами; мне стыдно было их слушаться. А на самом деле они были Твоими, Господи, но я не знал этого и думал, что Ты молчишь, а говорит моя мать. Ты через неё обращался ко мне, и в ней презрел я Тебя – я, её сын, «сын служанки Твоей, раб Твой». Я не знал этого и стремглав катился вниз, ослеплённый настолько, что мне стыдно было перед сверстниками своей малой порочности. Я слушал их хвастовство своими преступлениями; чем они были мерзее, тем больше они хвастались собой. Мне и распутничать нравилось не только из любви к распутству, но и из тщеславия. Не порок ли заслуживает порицания? А я, боясь порицания, становился порочнее, и если не было проступка, в котором мог бы я сравниться с другими негодьями, то я сочинял, что мною сделано то, чего я в действительности не делал, лишь бы меня не презирали за мою невинность и не ставили бы ни в грош за моё целомудрие».

Человек душевный – кто это? Их подавляющее большинство. Подобный человек хочет, чтоб и ему

было хорошо, и окружающим его. Такому было бы очень неудобно, если бы он узнал, что сосед заболел раком или что старый школьный приятель разорился, развёлся с женой или спился. Но при всём том в человеке душевном есть опасное колебание между душевностью и плотскостью. Потому что мораль такого человека – «земная, душевная».

Такой тип человека называется «лаодикийским» (последний период в жизни исторического христианства – это период «Лаодикийской Церкви»). Сказано в «Откровении» Иоанна Богослова: «И Ангелу Лаодикийской Церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чём не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» [Откр. 3, 14-17].

Это собрание людей, не пребывающих в сомнениях о самих себе. Их стиль жизни очень походит на американское: «Ноу проблем!» Но именно тогда, когда в своём благополучии они «будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» [1Фес. 5, 3].

Почему о лаодикийских христианах сказано: «О, если бы ты был холоден, или горяч»? Ответ очевиден. «Холодное» – в грехах оледенелое, застывшее сердце – может инстинктивно начать искать тепло спасающей Благодати Духа Святого. «Горячее» – пламенеющее Духом Святым, святое само – несёт теплоту оледеневшему во грехах, как в вечной мерзлоте, миру. И только «тёплое» или, как можно сказать, «теплохладное» христианство застыло в реликтовом благополучии – в духовной смерти.

Но вернёмся к типам людей. Человек духовный – это самая малочисленная на земле группа людей: это те, которые готовы сами испытывать страдание, чтобы другим было лучше. Их жертвенный дух уподобляет их Христу и делает некоторой противоположностью миру, погрязшему в зависти и эгоизме.

А что же о зависти говорят святые отцы? Святитель Василий Великий учил: «Зависть – это порча жизни, поругание природы, вражда против того, что дано нам от Бога, противление Богу».

Но почему зависть к другому человеку (едва ли кто-то может испытать зависть к Богу) святитель называет «порчей жизни», «поруганием природы» и «противлением Богу»?

Вспомним, прежде всего, о природе первозданного человека: «Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его» [Быт. 5, 1]; «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» [Быт. 2, 18]. Человек сотворён общественным существом, предназначен для семейной «соборности» – как первой ячейки соборности церковной.

Апостол Павел называл семью «домашней Церковью», в его обычае было приветствовать некоторых семейных христиан словами: «сподвижник нашему и домашней твоей Церкви», – так Павел направлял приветствие женщине «Апфии, (сестре) возлюбленной, и Архиппу», её мужу [Флм. 1, 2].

Мир и был создан Троицей Богом, чтобы ввести род человеческий в союз Любви Лиц Святой Троицы. Христос призывает разобщённое человечество к Божественному единству словами: «Да будут все едино, как Ты, отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» [Ин. 17, 21]. Единство Любви Лиц Святой Троицы – это единство Отца и Сына в Духе Святом, ибо сказано: «потому что Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» [Рим. 5, 5]. То есть в тот же союз соборной любви в Духе Святом вошло в день святой Пятидесятницы и человечество, до грехопадения в лице наших прародителей естественно пребывавшее в этом Божественном единстве. Поэтому зависть и есть вызов и поругание человеческой природы, «вражда против того, что дано нам от Бога» и «противление Богу».

Одна старинная мудрая история заставит каждого задуматься об опасности греха зависти: «Три путешественника нашли однажды на дороге нечто драгоценное. Надлежало разделить это поровну между всеми. находка была так велика, что часть каждого была бы весьма значительна, но тотчас явился диавол со своими спутниками – духами зависти, коварства и жадности. Полюбовавшись своей находкой, путешественники сели отдохнуть, чтобы подкрепить себя пищей, но каждый думал не о пище, а о том, как бы одному завладеть сокровищем. Нужно было кому-нибудь из них сходить в ближайший город, чтобы купить припасов. Один отправился. Двое оставшихся на месте договорились убить третьего, когда тот вернётся, чтобы разделить между собою его часть. Между тем, тот, кто отправился за припасами, решил отравить их ядом, чтобы по смерти обоих товарищей богатство осталось ему одному. Когда же он вернулся, то немедленно был убит своими спутниками, а они, в свою очередь, поев принесённую им пищу, оба умерли. Драгоценная находка осталась на месте ждать или других безумцев, или более достойных людей».

Святитель Иоанн Златоуст предупреждает: «Нет ничего хуже зависти и злобы. Через них смерть вошла в мир. Когда диавол увидел человека в чести, то не вынес его благоденствия и сделал всё, чтобы погубить его». И так, «диавол увидел человека в чести, то есть узрел людей, благоденствующих в близости к Творцу и Его Любви – и жестоко позавидовал им. «Не вынес его /человека/ благоденствия и сделал всё, чтобы погубить его», – пишет Златоуст, – то есть погубил человека из зависти... Вот как велика опасность ненасытного «хочу», вот почему жажда чужого – смертельный грех, почему «нет ничего хуже зависти и злобы».

По тексту протоиерея Олега Стеняева

УСПЕТЬ ВСПОМНИТЬ

Меня везли на кресле по коридорам областной больницы.

– Куда? – спросила одна медсестра другую. – Может, не в отдельную, может, в общую? Я заволновалась.

– Почему же в общую, если есть возможность в отдельную?

Сёстры посмотрели на меня с таким искренним сочувствием, что я нескладно удивилась. Это уже потом я узнала, что в отдельную палату переводили умирающих, чтобы их не видели остальные.

– Врач сказала в отдельную, – повторила медсестра.

Но тогда я не знала, что это означает, и успокоилась. А когда очутилась на кровати, ощутила полное умиротворение уже только от того, что никуда не надо идти, что я уже никому ничего не должна, и вся ответственность моя сошла на нет.

Я ощутила странную отстранённость от окружающего мира, и мне было абсолютно всё равно, что в нём происходит. Меня ничто и никто не интересовало. Я обрела право на отдых. И это было хорошо. Я осталась наедине с собой, со своей душой, со своей жизнью. Только Я и Я.

Ушли проблемы, ушла суета, ушли важные вопросы. Вся эта беготня за сиюминутным казалась настолько мелкой по сравнению с Вечностью, с Жизнью и Смертью, с тем неизведанным, что ждёт там, по ту сторону...

И тогда забурилась вокруг настоящая Жизнь! Оказывается, это так здорово: пение птиц по утрам, солнечный луч, ползущий по стене над кроватью, золотистые листья дерева, машущего мне в окно, глубинно-синее осеннее небо, шумы просыпающегося города – сигналы машин, цоканье спешащих каблучков по асфальту, шуршание падающих листьев... Господи, как замечательна Жизнь! А я только сейчас это поняла...

– Ну, и пусть только сейчас, – сказала я себе, – но ведь поняла же!.. И у тебя, дорогая, есть ещё пара дней, чтобы насладиться ею, и полюбить её всем сердцем!

Охватившее меня ощущение свободы и счастья требовало выхода – и я обратилась к Богу, ведь Он сейчас был ко мне ближе всех:

– Господи! – радовалась я. – Спасибо Тебе за то, что Ты дал мне возможность понять, как прекрасна Жизнь, и полюбить её. Пусть перед смертью, но я узнала, как замечательно жить!..

Меня заполняло состояние спокойного счастья, умиротворения, свободы

Дэниел Сприк. Натюрморт.

и звенящей высоты одновременно. Мир звенел и переливался золотым светом Божественной Любви. Я ощущала эти мощные волны её энергии. Казалось, Любовь стала плотной и, в то же время, мягкой и прозрачной, как океанская волна. Она заполнила всё пространство вокруг, и даже воздух стал тяжёлым и не сразу проходил в лёгкие, а втекал медленной пульсирующей струёй. Мне казалось, что всё, что я видела, заполнялось этим золотым светом и энергией. Я Любила!.. И это было подобно слиянию мощи органной музыки Баха и летящей ввысь мелодии скрипки.

Отдельная палата и диагноз «острый лейкоз четвёртой степени», а также признанное врачом необратимое состояние организма имели свои преимущества. К умирающим пускали всех и в любое время. Родным предложили вызвать близких на похороны, и ко мне потянулась прощаться вереница скорбящих родственников. Я понимала их трудности: ну о чём говорить с умирающим человеком, который, тем более, об этом знает?

Мне было смешно смотреть на их растерянные лица. Я радовалась: когда бы я ещё увидела их всех? А больше всего на свете мне хотелось поделиться с ними Любовью к Жизни – ну, разве можно не быть счастливым просто оттого, что живёшь? Я веселила родных и друзей как могла: рассказывала анекдоты, забавные истории из жизни. Все, слава Богу, хохотали, и прощание проходило в атмосфере радости и довольства.

Где-то на третий день мне надоело лежать, и я начала гулять по палате, сидеть у окна. За сим занятием и застала меня врач, закатив почти что истерику: дескать, мне же нельзя вставать. Я искренне удивилась:

– Это что-то изменит?

– Н-ну... нет, – теперь растерялась врач. – Но Вы не можете ходить. У вас анализы трупа. Вы и жить не можете, а вставать начали...

Прошёл отведённый мне максимум – четыре дня. Я не умираю, а с аппетитом лопала колбасу и бананы. Мне было хорошо. А врачу было плохо: она ничего не понимала. Анализы не менялись, кровь капала едва розоватого цвета, а я начала выходить в холл смотреть телевизор. Врача было жалко: Любовь требовала радости окружающих.

– Доктор, а какими Вы хотели бы видеть мои анализы?

– Ну, хотя бы такими... – и она быстро написала мне на листочке какие-то буквы и цифры: то, что должно быть. Я ничего не поняла, но внимательно прочитала. Врач посмотрела сочувственно на меня, что-то проворчала и ушла.

А в девять утра она ворвалась ко мне в палату с криком:

– Как Вы это де... анализы! Они такие, как я Вам написала.

– Откуда я знаю? А что, хорошие? Да и какая, в общем, разница?..

Лафа закончилась. Меня перевели в общую палату (это там, где уже не умирают). Родственники уже попрощались и ходить перестали.

В палате находились ещё пять женщин. Они лежали, молча уткнувшись в стену, и мрачно и активно умирали. Я выдержала три часа. Моя Любовь начала задыхаться. Надо было срочно что-то делать.

Выкатив из-под кровати арбуз, я застала его на стол, нарезала, и громко сообщила:

– Арбуз снимает тошноту после химиотерапии.

По палате поплыл запах свежего смеха. К столу неуверенно подтянулись остальные.

– И правда, снимает?

– Угу, – со знанием дела подтвердила я, подумав: «А Бог его знает...»

Арбуз сочно захрустел.

– И правда, прошло! – сказала та, что лежала у окна и ходила на костылях.

– И у меня!.. И у меня, – радостно подтвердили остальные.

– Вот, – удовлетворённо закивала я в ответ. – А вот случай у меня один раз был... А анекдот про это знаешь?

В два часа ночи в палату заглянула медсестра и возмутилась:

– Вы когда ржать перестанете? Вы же всему этажу спать мешаете!

Через три дня врач нерешительно попросила меня:

– А Вы не могли бы перейти в другую палату?

– Зачем?

– В этой палате у всех улучшилось состояние, а в соседней много тяжёлых...

– Нет! – закричали мои соседки. – Не отпустим.

Не отпустили. Только теперь в нашу палату потянулись соседи – просто посидеть, поболтать, посмеяться. И я понимала, почему. Просто в нашей палате жила Любовь. Она окутывала каждого золотистой волной, и всем становилось уютно и спокойно.

Особенно мне нравилась девочка-башкирка лет шестнадцати в белом платочке, завязанном на затылке узелком. Торчащие в разные стороны концы платочка делали её похожей на зайчонка. У неё был рак лимфоузлов, и мне казалось, что она не умеет улыбаться. А через неделю я увидела, какая у неё обаятельная и застенчивая улыбка. А когда она сказала, что лекарство начало действовать, и она

выздоровливает, мы устроили праздник, накрыв шикарный стол, который увенчали бутылки с кумысом, от которого мы быстро забалдели, а потом перешли к танцам...

Пришедший на шум дежурный врач сначала ошалело смотрел на нас, а потом сказал:

– Я тридцать лет здесь работаю, но такое вижу в первый раз.

Развернулся и ушёл. Мы долго смеялись, вспоминая выражение его лица. Было хорошо...

Я читала книжки, писала стихи, смотрела в окно, общалась с соседками, гуляла по коридору – и так любила всё, что видела: и книги, и компот, и соседку, и машину во дворе за окном, и старое дерево!..

Мне коледи витамины. Просто надо же было хоть что-то колоть. Врач со мной почти не разговаривала, только странно косилась, проходя мимо, и через три недели тихо сказала:

– Гемоглобин у Вас на двадцать единиц больше нормы здорового человека. Не надо его больше повышать.

Казалось, она за что-то сердится на меня. По идее, получалось, что она дура, и ошиблась с диагнозом, но этого быть никак не могло, и это она тоже знала. А однажды она мне пожаловалась:

– Я не могу Вам подтвердить диагноз. Ведь Вы выздоравливаете, хотя Вас никто не лечит. А этого не может быть!

– А какой у меня теперь диагноз?

– А я ещё не придумала, – тихо ответила она и ушла.

Когда меня выписывали, врач призналась:

– Так жалко, что Вы уходите, ведь у нас ещё много тяжёлых.

Из нашей палаты выписались все. А по отделению смертность в этом месяце сократилась на тридцать процентов...

Жизнь продолжалась. Только взгляд на неё становился другим. Казалось, что я начала смотреть на мир сверху – и потому изменился масштаб обзора происходящего.

А смысл жизни оказался таким простым и доступным. Надо просто научиться Любить – и тогда твои возможности станут безграничными, и желания сбудутся, если ты, конечно, будешь эти желания формировать с Любовью, и никого не будешь обманывать, не будешь завидовать, обижаться и желать кому-то зла. Так всё просто – и так всё сложно!

Ведь это правда, что Бог есть Любовь. Надо только успеть это вспомнить...

Людмила Ламонова

СЛОВА И КАМНИ

Всё думаешь: да куда мне,
лучина не топит льды.
Бросаешь слова, как камни
бросают в ладонь воды.

Круги разойдутся, смолкнут,
но глянешь ли в глубину –
и только поймёшь, как долго
твой камень идёт ко дну,

где может упасть безвольно,
стать частью материка,
а может черкнуть так больно,
что помнится на века.

Волна своего улова
не держит, фарватер пуст.
Ты – камень. Ты просто слово,
упавшее с Божьих Уст.

Невзрачный, убогий, тленный,
не видишь вокруг ни зги –
а всё же по всей вселенной
идут от тебя круги.

Надежда Князева

СБОР СРЕДСТВ НА КОЛОКОЛ-БЛАГОВЕСТНИК

Дорогие братья и сестры! Просим всем миром жертвовать на **главный колокол – КОЛОКОЛ-БЛАГОВЕСТНИК** для колокольни **Антониевского храма**. С Божьей помощью планируем освятить его в день 245-летия со дня рождения нашего небесного покровителя – святого Антония, архиепископа Воронежского и Задонского, которое отмечается в текущем году. На изготовление и доставку потребуется около двух миллионов рублей: 1 кг стоит 1100 рублей, общий вес 1800 кг. Ваши пожертвования просим направлять по реквизитам, указанным ниже.

Протоиерей Николай Бабич

Местная религиозная организация **Православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского**, г. Воронежа религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».

Реквизиты: Р/с 40703810800510003141 в Филиале № 3652 ВТБ (ПАО) в г. Воронеже (Филиал № 3652 Банка ВТБ (ПАО)) БИК: 042007855 К/с: 30101810545250000855

Либо на карту СБЕРБАНКА 5469 1300 1724 1736

Или на Яндекс.Деньги: <https://money.yandex.ru/to/410014728649740>

С вопросами и предложениями можно обращаться к протоиерею Николаю Бабичу:
тел.: +7 (951) 860-40-40, Viber: +7-951-860-40-40, ВКонтакте: vk.com/snt.antonius,
Telegram: @NikolaiBabich.

Адрес храма и редакции: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А.

E-mail: Snt-Antonius@yandex.ru.

Электронная версия «Вестника» доступна по адресу: www.snt-antonius.ru

Учредитель, издатель – Местная религиозная организация православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского г. Воронежа религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Адрес издателя: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А

Редакционная коллегия:

протоиерей Николай Бабич, Римма Лютяя

Главный редактор: Бабич Николай Николаевич,
протоиерей. +7 (951) 860-40-40

Выпускающий редактор, ответственный секретарь,
корректор: Римма Лютяя. +7 (960) 115-69-06

Редактор отдела истории и краеведения: Игорь Маркин

Дизайн, макет, вёрстка: Наталья Назаренко

Отпечатано: Типография «Печатный двор»,
г. Воронеж, пр-т Труда, 48.

Тираж: 3000 экземпляров. Заказ: № 000.

Время подписания в печать:

по графику 27.02.2018 г. в 10-00,

фактическое 27.02.2018 г. в 10-00.

Дата выхода издания в свет: 05.03.2018 г.

Издаётся на средства и трудами благотворителей.

Не используйте наше издание
в хозяйственных целях.

Цена: бесплатно.

Распространяется за пожертвование.

0+

Свидетельство о государственной регистрации ПИ № ТУ36-00332 выдано Управлением Федеральной Службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР) по Воронежской области 24.12.2012 года